

12. Прадід Ю.Ф., Щербачук Л.Ф. Способы перевода фразеологизмов в русском издании романа О.Гончара „Собор” // Ономастика і апелятиви. Вип. 5. – Дніпропетровськ, 1999. – С.100-108.
13. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 1974.
14. Словник української мови: В 11 тт. – К.: Наукова думка, 1977. – Т.5.
15. Словник фразеологізмів української мови. – К.: Наукова думка, 2003.
16. Тарас Григорович Шевченко в інтернаціональних літературних зв'язках. – К.: Вища школа, 1981.
17. Tarnawsky M. Ukrainian literature in England: Articles in Journals and Collections, 1840-1965. – An Annotated Bibliography. – Edmonton, 1992.
18. The Oxford Russian dictionary. – Oxford-Moscow, 1999.
19. Шевченко Т. Кавказ: Поема. – Київ: Головна спеціалізована редакція літератури мовами національних меншин України, 2003.
20. Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів: У 6-ти тт. – К.: Вид-во АН УРСР, 1963-1964.
21. // Ukrainian Canadian. – 1961.

Поступила 10.03.2004 г.

РЕГИОНАЛИСТИКА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М. А. Новикова

Статья посвящена возможностям и границам регионалистики как самостоятельной области гуманитарных наук. Предлагаются ключевые для нее понятия; они сопоставляются со смежными концептами других гуманитарных направлений.

Ключевые слова: регион, регионалистика, гуманитарные науки

Статтю присвячено перспективам та межам регіоналістики як окремої ділянки гуманітарних наук. Запропоновано ключові для неї поняття; їх порівняно із суміжними концептами інших гуманітарних напрямків.

Ключові слова: регіон, регіоналістика, гуманітарні науки

The paper deals with Regional Studies, with their challenges and chances, as a special humanitarian sphere. Principal terms for it are proposed and contrasted to the terminology of closely related trends in humanities.

Key words: region, Regional Studies, humanities

1. *Предварительные замечания.* Современное общественное сознание (и – как следствие – науки, его фиксирующие и моделирующие) все более остро испытывает потребность в *двуедином* подходе (терминологии, концептуальных и методологических основах). Локальное ищется в универсальном, универсальное в локальном. Как шутил за «круглым столом» Международной конференции «Язык и культура» (К., 2002) французский славист Ж.Нива: кажется, человечество перестало интересоваться чем-либо, кроме универсалитета и локалитета.

На то есть причины. Универсализация социума и гуманитарных знаний стала явлением очевидным. Но с не меньшей очевидностью расцветают общественные движения типа Grassroot movement. Фокус их внимания – «малые родины», со всеми социокультурными традициями и особенностями. Причем характерно: и эти движения, и региональные исследования (Regional Studies) нарастают не на периферии, а именно в глобально-ориентированных социумах. И одновременно усиливается стремление воссоединить этот «локалитет» с «универсалитетом».

В США исчерпывается социо-гуманитарный ажиотаж вокруг идеи «мультиверсума» (П. де Райян) и мультикультуральности. Выяснилось: без «поправки на универсум» и на универсалии как социальные, так и научные мультиверсум грозит утратой целостности, а отсюда и самоидентичности – снова-таки, как в обществе, так и в науке. Разнообразные «локальности» ищут метаязыка, метасистемы и метациелей – «метаверсума».

Во Франции т.н. Школа Анналов достаточно быстро эволюционировала в сторону школы ментальностей. Достигла она этого расширением локуса и хроноса исследуемых явлений (т.н. «истории длительных процессов»). Однако и эта научная школа столкнулась на своем пути с аналогичной мировоззренческой методологической проблемой. «Языки ментальностей» (от индоевропейских праязыков до современных общинно-территориальных «ментальных диалектов») зывают к некоему единству понятийного, терминологического и методологического инструментария. Без него «микроментальности» не способны коррелировать с «макроментальностями», и наоборот.

В Германии традиционное «народоведение» (Volkskunde), на какое-то время скомпрометированное навязанным ему альянсом с нацистской идеологией, расцвело вновь. Но теперь оно все больше ощущает

напряжение между двумя стратегиями: «землеведением», т.е. региональными исследованиями, которые складываются вокруг отдельных немецких регионов («земель»), и общеевропейским вектором, который требует само народоведение скорректировать, так сказать, «международованием».

Можно говорить об идентичных вызовах, перед которыми стоит гуманитаризм Скандинавского, Балтийского, Центрально-Европейского, Южно-Европейского («Средиземноморского») и Балканского регионов. И для них все насущней задача взаимного «метаперевода» – локального и универсального. Регионалистика уже в скором времени не может не стать испытательным полем такого «метаперевода».

2. *Проблемы и понятия.* Уже по определению регионалистика есть научная область *комплексная*. В ней находят место любые науки, от природоведческих (изучающих регион как природу, «натуру») до гуманитарных (исследующих регион как «культуру»). Важно при этом (хотя бы предварительно) очертить приоритетные проблемы регионалистики. Они, в свою очередь, определяют ее ядерные понятия. Эти последние можно тогда будет выстроить в некую иерархию (по ценностной, «вертикальной» шкале) и парадигму (по шкале диахронной и/или локальной, вариативной, «горизонтальной»).

Исходное ядерное понятие регионалистики очевидно – это понятие «*региона*». Но с какими понятиями оно может коррелировать в разных гуманитарных сферах? Предлагаемый ниже перечень не претендует на то, чтобы считаться исчерпывающим: он заведомо открыт и для новаций «жизни», и для научных дискуссий. Однако без понятийной системы координат как таковой региональная эмпирика рискует поглотить всякое *регионоведение*.

2.1. *Теология*: миссия, удел, «святая земля»/«святые места». 2.2. *Философия*: система/целостность, ценность/иерархия. 2.3. *Этиология* (этика): норма/эксцесс, «свои»/«не свои» нормы; нормы центральные/периферийные; нормы системно-сознательные («традиции»)/системно-бессознательные («обычаи»), бессистемно-бессознательные («пережитки»). 2.4. *Культурология*: эволюция/инволюция/революция; симбиоз/синтез/«химера» (в терминах Л. Гумилева: соединение несовместимых элементов). 2.5. *История*: контакты/конфликты; субстрат/новообразование/реликт/ изолянт; анклав/диаспора; миграция/эмиграция/репатриация. 2.6. *Этнография*(-логия): род/племя/племенной союз/народность/народ/нация/политическая нация/этническая группа/этнос/суперэтнос. 2.7. *Фольклористика*: (локальные фольклорные мотивы/их ментальные матрицы («региональные мифы»)/их конкретные формы – в контексте понятий 2.1. – 2.6. 2.8. *Лингвистика*: «региолекты» – в контексте понятий 2.1. – 2.7., со всем набором конкретизирующих параметров (своего рода «CV региолекта»: параметры возрастные, гендерные, маритальные (семейные), образовательные, социогрупповые и т.п.). 2.9. *Литературоведение*: региональная литература/литература о регионе – в контексте понятий 2.1. – 2.8.

Легко увидеть, что по данной модели можно выстроить региональную журналистику, региональную теорию коммуникации, региональное музееведение – и уж, тем паче, блок региональных политических и социо-экономических наук.

3. *Ограничения и опасности.* Всякое научное направление может считаться таковым только тогда, когда у него есть определенные границы и оно их осознаёт. Третью веку тому назад В.Щербицкий, тогдашний лидер тогдашней украинской политэлиты, выступая на V съезде писателей Украины, обронил афоризм настолько самобытный, что в отредактированную стенограмму съезда тот не попал: «творчество – это не прогулка по Крещатику». О ценности афоризма можно спорить, но негативные определения действительно необходимы: они формулируют эксплицитно, для данного предмета *не является*, а данная наука *не занимается* (или занимается, но иными способами, для решения иных задач).

Исходя из понятия «регион», можно со/противопоставить его и смежные понятия. Такая процедура помогает выявить саму специфику регионализма – как коллективного мышления, как социальной практики и как научной стратегии. Вот несколько мыслимых оппозиций такого рода.

3.1. *Регион* VS область, район; губерния, уезд; штат, графство и т.д. (т.е. единицы территориально-административного деления). 3.2. *Регион* VS периферия, провинция (в отечественном, не римском, resp. западноевропейском значении), окраина, глубинка, глухомань, «далеко от...» (Москвы, Киева, любой столицы). 3.3. *Регион* VS граница, по-(при-)границье, рубеж, ultima Thule. 3.4. *Регион* VS «чисто поле», Дикое Поле, waste-Land, Дикий Запад, «целина» (в социальном, не просто агротехническом значении), ничейная земля, res nullius. 3.5. *Регион* VS «малая родина», метрополия, Малая Греция (Русь, Азия и т.п.). 3.6. *Регион* VS ойкумена, «малая Вселенная», «свй Всесвіт».

Необходимо отметить: ни одна из этих оппозиций не является абсолютной. Наоборот, все они очерчивают смежные с «регионом» семантические (концептуальные, ментальные, культурные) участки и понятия. Это означает именно их со- и противопоставленность: в некоторых аспектах они – относительно региона – дифференциальны, в других аспектах интегральны. Тем самым как раз и уточняется смысловое наполнение ядерного концепта «регион».

Поясним сказанное. Оппозиция 1 отграничивает «регион» от любых внешне подобных понятий, основанных, однако, на сугубо административном принципе их выделения. Оппозиция 2 выполняет ту же задачу, но по принципу иерархическому («провинция» имеет противочленом «столицу»; «регион» такого противочлена не имеет). Оппозиция 3 разграничивает противочлены по принципу целостности

(подразумеваемой лишь в концепте «регион», но не в концепте «рубеж»). Оппозиция 4 базируется на принципе принадлежности, possessивности («регион» всегда «чей-то»; его противочлены «ничейные»). Оппозиция 5 содержит в своей основе принцип центральности (все противочлены «региона» внутри этой оппозиции осмысляются и оцениваются как сердцевина некоего большего культур-пространства; «регион» – нет).

Наиболее семантически сложна и внутренне конфликтна последняя из намеченных оппозиций. Дело, во-первых, в том, что культурному концепту «Вселенная», «Всесвіт», «ойкумена» противопоставлено может быть, строго говоря, только небытие: мифологический Хаос или современный вакуум. Во-вторых, Вселенная, «весь свет» никак не могут быть ни «малыми», ни «большими»: это предельные, а потому неизмеряемые понятия. В-третьих же, тем менее они способны включать в себя значение принадлежности: быть «своими» для кого бы то ни было. Даже для языческих божеств древности Вселенная – не их принадлежность (скорее, это они сами ей «принадлежат»). Не есть Вселенная и «принадлежность» Бога в последующих – мировых монотеистических – религиях: Бог творит Вселенную, а не манипулирует ею.

Между тем, именно она, эта последняя оппозиция, точнее всего схватывает противоречивую семантику «региона» как культурного понятия и столь же противоречивую специфику «регионализма» как типа мировосприятия и социального поведения. Регион, с одной стороны, есть целостный, самоценный «мир» – иначе он неизбежно растворяется в иных, смежных понятиях и «мирах». Вместе с тем и с другой стороны, регион не может не соотносить себя с этими смежными понятиями и мирами, в противном случае, теряя все свои оппозиции, он утрачивает и собственный смысл и пафос.

Выражаясь заостренно-афористически, «регион» есть одновременно наследие глубочайшего прошлого, «пра-праисько» (Ю. Тувим) человеческого освоения мира, и результат вполне современных социокультурных процессов: ностальгии по «человеческому измерению» внутри нечеловеческих уже пропорций новейшей цивилизации. Поэтому архаическая совмещенность «дома» и «мира», наиболее «своего» и наиболее «вселенского», *двухполюсное их единство*, будучи наложено на «мультиверсумы» и «мегаверсумы» современности, как раз и образует динамическую (даже драматичную, ибо контраверзийную) суть регионализма.

Отсюда вытекают и особые опасности для гуманитарной регионалистики, которые желательно заблаговременно осознать, дабы своевременно их избежать. Малейший крен в сторону любого из своих противочленов превратит регионалистику из полноправного научного направления в то, что от Средних веков до советских десятилетий именовали «научкой-служанкой»: в обслуживающий аппарат вненаучных (и прежде всего – неаутентичных ей самой) интересов. В этом смысле регионалистике одинаково противопоказаны культ «периферийности», но и суперакцент на принадлежности к любым метрополиям; послушное растворение себя в «соседних», «пограничных» феноменах, но и демонстративный отказ от своей исконной роли перекрестка. Подобные стратегии могут быть для самого региона временно – лишь временно – выгодны. Для регионализма и для регионалистики они закрывают самые перспективы их существования и развития.

Основные идеи данной работы развиваются подробнее в книге «Мифы и миссия» [1]. Дискуссии вокруг названных концепций и понятий (см. [2]).

Литература:

1. Новикова М.А. Мифы и миссия. – К.: Дух і літера, 2004 (В печати).
2. Лингвокультурологическая и межкультурная интерпретация коммуникативного текста // Язык и культура. – XII Международная научная конференция им. проф. С. Бураго. – Киев: Институт филологии Киевского национального университета; Институт языкознания НАН Украины; Институт психологии АПН Украины. – 2003. – С. 206-213.
3. Прагматексты: гендерный аспект // Гендерные исследования и воспитательные стратегии в Украине. [Гендерні дослідження та виховальні стратегії в Україні.] – III Международная научно-практическая конференция. – Киев: Институт психологии НАН Украины; Академия педагогических наук Украины, 2003. – С. 56-62. (В соавторстве с Демещкой В.В.)
4. Проповедь: функциональный, социокультурный и региональный аспекты // Духовное и культурное возрождение Причерноморья. [Духовне та культурне відродження Причорномор'я.] – Научно-практическая конференция. – Херсон: Научный центр Причерноморских исследований, 2003. – С. 37-43. (В соавт. С Мазуром А.Ю.)
5. Краеведческий текст: функциональный, социокультурный и региональный аспекты // Духовное и культурное возрождение Причерноморья. [Духовне та культурне відродження Причорномор'я.] – Научно-практическая конференция. – Херсон: Научный центр Причерноморских исследований, 2003. – С. 43-49. (В соавт. с Гизер В.В.)
6. Политический дискурс: региональный аспект Причерноморья // Актуальные проблемы государственного управления и местного самоуправления [Актуальні проблеми державного управління та місцевого самоврядування.] – II Международная научно-практическая конференция. – Запорожье: Гуманитарный университет Запорожского государственного и местного управления, 2003. – С. 83-90. (В соавт. с Иваниной Т.В.)
7. Интеркультура и интеркоммуникация. – СПб, Москва: Санкт-Петербургский университет; Институт русского языка РАН, 2002. – С. 142-149.
8. Кросскультурные сценарии коммуникации// Социальные сценарии поведения. – СПб.: Изд-во Восточно-Европейского Ин-та Гештальта "Кабинет", 2001. – С. 89-101.

9. Крымский путь: общемировая и пушкинская парадигма// Морской вектор в судьбах восточного славянства. – Симферополь: Крымск. Архив, 2001. – С. 56-65.
10. Новые методики экскурсионной работы // Культурные проблемы туризма и турбизнеса. – Киев-Симферополь: Крымск. Архив, 2001. – С.37-45.
11. Загадки Крыма, загадки Сельвинского// Стихия истории – стихия природы. – Москва-Симферополь: Крымск. Архив, 2001. – С.14-21.
12. Поэт истории// М.Волошин в европейском контексте. – Париж-Киев-Симферополь: Крымск. Архив, 2001. – С.83-90.
13. Политические формулы-новообразования: кросскультурный мониторинг // Идеологія державотворення і суспільнознавчі науки. – Запоріжжя: Вид-во Запорізьк. ун-ту, 2001. – С.66-70.
14. Современный театр: региональные традиции и глобальные инновации // Проблеми сучасного театру. – Київ: Вид-во МАН України, 2001. – С.109-116.
15. И.Л.Сельвинский: этнополитика и этнопоэтика // И.Сельвинский и литературный процесс XX века. – Симферополь: Крымск. Архив, 2001. – С.23-25. (В соавт. с Егошиной Т.Е., Островским Д.О., Передерием С.А.)
16. Спокушения владою // Всесвіт. – 2000. – №1-2. – С. 164-165.
17. Регіональні проблеми в міжнародних культурних проектах: Міжнар. науково-практ. семінар “2000: підсумки культурної модернізації України”. – Київ. – Міжнар. Фонд “Відродження”. – 27 жовтня 2000 р.

Поступила 24.02.2004 г.

ЖАНРОВІ ТА КОМУНІКАТИВНІ ПАРАМЕТРИ АНГЛОМОВНОГО ЛИСТУВАННЯ ЗАКОХАНИХ (НА МАТЕРІАЛІ СУЧАСНОЇ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ)

Г. А. Огаркова

В статье рассматриваются жанровые и коммуникативные параметры англоязычной переписки влюбленных. Особенное внимание уделяется способам достижения коммуникативной цели в данном виде речевого жанра, а также особенностям его дейктической конфигурации.

Ключевые слова: дискурс, жанр, коммуникативная цель, дейктическая конфигурация, персональный дейксис, временной дейксис

Статтю присвячено вивченню жанрових та комунікативних параметрів англомовного листування закоханих. Особлива увага приділяється засобам досягнення комунікативної мети, а також конфігурації дейктичного простору у даному жанрі.

Ключові слова: дискурс, жанр, комунікативна мета, дейктична конфігурація, персональний дейксис, часовий дейксис

The article deals with the study of the genre and communicative parameters of the English love letters. Our attention has been focused on some of the ways to achieve the communicative aim in the respective genre. Specific emphasis is made on the deixis configuration in love letters.

Key words: discourse, genre, communicative aim, deictic configuration, personal deixis, temporal deixis

У сучасній дискурсологічній парадигмі дискурс визначається як складний соціолінгвістичний феномен сучасного комунікативного середовища, який детермінується його соціокультурними, прагматично-ситуативними, психологічними та іншими чинниками, по-друге, має лінгвістичну та екстралінгвістичну структуру і, по-третє, характеризується спільністю світу, який будується впродовж розгортання дискурсу його репродуцентом та інтерпретується його реципієнтом [12, с. 18].

Актуальність. В залежності від сфери функціонування розрізняють такі різновиди дискурсу, як політичний, діловий, екологічний, електронної комунікації, сімейного спілкування тощо. В окремий вид дискурсу слід виділити і дискурс спілкування між закоханими. В багатьох дослідженнях відзначається важливість мовної репрезентації любовного почуття [1; 10; 15; 14]. В них кохання визнається насамперед мовленнєвим феноменом, особливим типом дискурсу. За Р. Бартом, кохання – це дискурс, про що свідчить сама назва його книги "Fragments d'un discours amoureux" (букв.: фрагменти дискурса закоханого").

Комунікативний континуум складається не лише з різновидів дискурсу, але й з окремих фрагментів соціальної інтеракції, які можна назвати жанрами [3]. Жанри співіснують з різновидами дискурсу: окремі жанри можуть спостерігатись в різних видах дискурсу. Жанр, за М. Бахтіним, є сукупністю відносно стійких, усталених типів висловлювань [2]. До жанрів слід віднести і листування між закоханими, яке є одним із видів дискурсу спілкування закоханих.

За жанровими характеристиками любовне листування – писемна, монологічна, емоційно-забарвлена форма комунікації. Любовне листування як жанр має історичний, культурний, соціальний, віковий,